

Многолюдно бывает летом и в тех деревнях Мордовии, где уже мало осталось постоянных жителей. Это касается и татарских деревень. В теплые месяцы года, в разгар созревания ягод, благоухания трав, сюда приезжают уроженцы этих населенных пунктов, ныне живущие в других местах. Малая родина тянет и зовет. Зовут и тянут эти тихие места – с полями и лугами, реками и озерами, где среди камышей можно увидеть чью-то деревянную лодку – то ли спрятанную, то ли забытую... Привожу небольшие отрывки из своей книги «Возвращение земляники», посвященные малой родине – этим добрым тихим местам нашего мордовского края...

В пространстве моей родины, кажется, все больше и больше становится пустоты. А в тишине среди этой пустоты моя память изредка еще слышит звон медалей и орденов всеми забытого старика...

Выхожу на опустевшую улицу в Акчееве – и вспоминаю то время, когда она была многолюдной. И вижу бурьян возле тех домов, где жили в моем детстве старухи. И вижу буйно цветущие репейники там, где сидели под солнцем, в своих нарядных платках старухи с моей улицы. Сегодня и репейники – как те старухи, как наши бабушки. А вчера наши бабушки в зеленых, желтых и белых платках не репейниками ли, не бурьяном ли, не тысячелистниками ли, не одуванчиками ли были, когда сидели и неторопливо разговаривали среди трав незадолго до того, как уйти в травы и цветы? Я, маленький мальчик, пробегал возле них по зеленым травам, и не отличая их от трав; и не зная, точнее – не задумываясь тогда, что они умрут, как не знаем, точнее – не задумываемся о том, что травы увянут. А природа, кажется, и сейчас не знает о том, что наши бабушки умерли, и природе незачем знать об этом, если они уже во плоти природы.

Природа возле угасающей деревни спокойна, светла и счастлива. Нет трагедии в угасании. Нет сожаления и грусти. Природа радостно, всегда только радостно знает о Божьей данности. Рядом, как дикая трава, разрастается пустота. Но и в этом запустении на своей родине я чувствую присутствие Творца.

Я был слишком мал, чтобы слушать этих бабушек на своей улице. Я мало слушал и свою бабушку по имени Шарифя. Она часто брала в руки свои старые четки из финиковых косточек, нанизанных на жесткую нитку.

Я и отца своего мало слушал и мало узнал о своей родословной. Это был род жестянщиков и кузнецов, известных в округе. Я вел себя так, будто сам начинал новую родословную. После пятидесяти лет сожалел, что вел себя именно так, особенно – когда видел, как другие люди знали о нескольких поколениях своих предков, гордились этим и

рассказывали другим. В том числе – и уроженцы Акчеева. А я бродил по лугам, восхищался мудрой древностью земли, разговаривал – как с родственниками – с деревьями, цветами, травами и водой, а вот о людях, которые предшествовали мне в нашем роду, знал очень и очень мало. И об односельчанах тоже почти ничего не знал и удивлялся, когда случайно узнавал о том, какая жизнь кипела в Акчееве сто, двести или триста лет назад. В кирпичном здании, где в годы моего детства располагались почта и начальная школа, в которой я учился, оказывается, жил богатый человек, а затем жили его дети. Потом их раскулачили, и вдруг в июле 2019 года их дальний потомок позвонил мне и достаточно подробно рассказал историю своего рода. Рассказал с любовью, дорожа даже маленьким фактом или деталью – как сокровищем дороже золота, которое его предки, возможно, оставили где-то в Акчееве, торопливо покидая родину во время раскулачивания. Я слушал этого человека и думал: а ведь история нашего рода, потомков мурз, мастеров, не менее интересна, а я эту историю знаю мало, не подробно. Мне неведома история села. А история моего села необъятна. Но мне надо – помнить дом бревенчатый, построенный отцом под самыми высокими звездами. Помнить детство свое, помнить материнские пироги из калины и творога, помнить ее подовый хлеб... И все-таки я что-то знаю. Мой дед по отцу Хуснетдин пропал без вести на фронте. Но он не пропал без вести – весть о нем, ставшем землей, пришла в травы и ягоды. Он вжился в землю, траву, землянику, закат, темноту. И отныне закат ощущает боль моего раненого деда. Но и при этом закат не может преодолеть свое равнодушие к человеку. Люди спрятаны в природе. Мир будто обмельчал. Может, земля стала мельче в расширяющейся Вселенной? И деда своего вижу, обзревая всю Вселенную. Дед не может без вести пропасть на крохотной земле. Отцом Хуснетдина был Хибятулла – тоже жестянщик. У Хибятуллы был еще один сын – Халим, который жил в Горьком, и его дети были близкими нам людьми. Когда они приезжали летом в Акчеево, мои родители радушно их встречали, а я, будучи ребенком, радовался их приезду. Особенно – приезду Кямиля абзи, который подарил мне первый велосипед в моей жизни. Это был велосипед «Школьник», оставшийся от его повзрослевшей дочери, потому в Акчееве даже смеялись надо мной из-за того, что катаюсь на дамском велосипеде. Но я все равно радовался подарку. А отцом Хибятуллы был жестянщик Хасян, у которого были сыновья – Айзят, Мухамеджан и Садык. У Садыка были сын Халим и дочь Шарифя – моя бабушка. То есть, мои дед и бабушка доводились друг другу двоюродными братом и сестрой. А мой дед по матери Хусяин был отходником: надолго уезжал из своей деревни на заработки, торговал шальями в Ленинграде. Его деревня Ликиньё, на другой стороне реки Мокши, сегодня угасает. Будто в широкую темную шаль укуталась пустота на родине моей матери – в соседней деревне. Безлюдье укуталось в широкую темную шаль из мрачного, безнадежного заката на родине матери. Родословную по линии матери я знаю еще хуже, чем родословную по линии отца.

Возле русского села Кабаново расположено Акчеево. И все-таки татары веками

сохраняют себя татарами. И земля помогает им в этом, и травы, и деревья, и небеса. Быть татарами – только это дано моим односельчанам.

Татары в Акчееве сохраняют себя татарами в двух шагах от русского Кабанова, но более всего – в одном шаге от заката, от звезд, от луны. Да и Кабаново для нас – как Акчеево. И конюх дядя Ваня – друг моего отца был для меня как татарин. Когда мне дали задание написать в районную газету материал о том, как кто-то из детей войны встретил День Победы 1945 года, я на лугу возле табуна разыскал дядю Ваню. А посоветовал мне написать в газету именно о дяде Ване мой отец. Ничего особенного он мне не рассказал, но я написал пронзительный текст на заданную тему, потому что дядя Ваня был свой человек – и написал о нем то, что мог бы написать о своем отце. И мы такие татары на этой земле, что без дяди Вани или моей учительницы русского языка мордовки Елены Васильевны мы как будто и не татары. Такова наша жизнь, продиктованная нам покровительствующими небесами.

И озеро, на берегу которого я вырос, тоже «татарин». «Татары» – и деревья, и луга, и поля, и даже закаты и луна. Вот поэтому мы и сохраняем себя тем народом, которым нас назначила история...

Сельское стадо насчитывало сотни коров. Вставать приходилось чуть свет и возвращаться со стадом уже в вечерних сумерках. Летний день длился очень долго. Как в таких случаях говорили мои односельчане, солнце к небу будто пригвоздили. Но вечер все-таки наступал, и гулко возвращалось домой сельское стадо, поднимая пыль и благоухая луговыми травами и парным молоком. Коровы тоже рвались домой, потому к вечеру удерживать их на лугу становилось труднее.

Сельские жители, выходя встречать своих коров, громко звали их по кличкам: Субботка, как звали нашу корову, Милка, Малинка, Зорька. Будто и сейчас раздастся на нашей пустующей улице голос моей матери, вышедшей на закате встречать корову со стада с краюхой хлеба в руках: «Субботка, Субботка!..». Татары нередко покупали коров в соседних русских и мордовских селах и оставляли им русские клички. И звали по-русски своих коров татарские женщины и мужчины, встречая на закате стадо с лугов. А последним важно заходил в село очередной пастух. Много раз и мне приходилось важно и устало идти по сельской улице с длинным кнутом за спиной.

Зимними вечерами, когда корова должна была вот-вот отелиться, через каждые полчаса мы выходили в сарай – ждали этого заветного, радостного события, чтобы новорожденного теленка сразу же забрать домой. Выходили во двор с керосиновым фонарем в руках. Этот тусклый, даже печальный свет, в сарае пахнущий соломой и фуражом, тогда не казался тусклым и печальным. Сейчас вспоминается свет того керосинового фонаря – как особое лучезарное сияние в жизни; как сияние, раздвигавшее передо мной вселенскую темноту...

Камиль ТАНГАЛЫЧЕВ